УДК 93/94 DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.317-334
EDN: GWPNSO

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА УЛУСА ДЖУЧИ И ТАТАРСКИХ ХАНСТВ ПО МАТЕРИАЛАМ «ДЖАМИ АТ-ТАВАРИХ» КАДЫР АЛИ-БЕКА

И.Л. Измайлов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация,
ismail@inbox.ru

Цель исследования: выявить и определить элементы социальной структуры Улуса Джучи и татарских ханств XVI–XVII вв. по материалам «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека.

Материалы исследования: в статье использовано новое издание «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека – новейший академический перевод «Сборника летописей».

Новизна и результаты исследования: «Джами ат-таварих» является важнейшим источником по истории Улуса Джучи и татарских ханств на пороге нового времени, но и важное свидетельство по внутренней социальной структуре этих государств. Кадыр Али-бек был не только высшим сановником и аристократом, но и человеком знавшим и зафиксировавшим как эта система реально функционировала. Для него титулатура и многие важные атрибуты власти были естественны и наполнены смыслом. Рассмотрение этой системы его глазами позволяют понять некоторые моменты, которые ускользали от исследователей при ее анализе по другим источникам. В работе Кадыр Али-бека упомянуты важнейшие элементы социально-сословной структуры татарского общества Улуса Джучи и татарских ханств, таких как правящие кланы, карачибеки, аталык и имильдяши. Историко-лингвистический анализ позволяет уточнить эти социальную терминологию, показать их место в иерархии татарских государствах, наследников Улуса Джучи. Рассмотрение этой терминологии позволяет реконструировать механизмы взаимодействия ханской власти с татарскими кланами, позволявшие ханам управлять сложной клановой иерархией и соблюдать баланс социальных интересов.

Ключевые слова: Кадыр Али-бек, «Джами ат-таварих», Улус Джучи, тюрко-татарские ханства, карачи-бек, улуг карачи-бек, правящие кланы

Для цитирования: Измайлов И.Л. Социальная структура Улуса Джучи и тюрко-татарских ханств по материалам «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 317–334. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.317-334 EDN: GWPNSO

© Измайлов И.Л., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE SOCIAL STRUCTURE OF ULUS OF JOCHI AND TURKIC-TATAR KHANATES ACCORDING TO MATERIALS OF "JAMI AL-TAWARIKH" BY KADYR ALI-BEK

I.L. Izmailov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ismail@inbox.ru

Abstract: The aim of this study is to identify and determine elements of the social structure of the Ulus of Juchi and Tatar khanates in the 16thaand 17th centuries according to the materials of "Jami al-tawarikh" by Kadyr Ali-bek.

Research materials: The article uses a new edition of "Jami al-tawarikh" by Kadyr Ali-bek – the latest academic translation of the "Compendium of chronicles".

Novelty and Results of the Study: "Jami al-tawarikh" is the most important source on the history of the Ulus of Jochi and Tatar khanates at the threshold of the modern era, but also an important testimony on the internal social structure of these states. Kadyr Ali-bek was not only a very high-ranking dignitary and aristocrat, but also a man who knew and recorded how this system functioned in practice. For him, the titulature and many important attributes of power were natural and full of meaning. Viewing this system through his eyes allows us to understand some points that have eluded researchers when analyzing it from other sources. Kadyr Ali-bek's work mentions the most important elements in the social and class structure of Tatar society in the Ulus of Jochi and Tatar khanates, as well as the mechanisms behind their interaction, such as ruling clans, karachi-beks, atalyk, and emildyash (emildäš) foster-brothers.

Keywords*:* Kadyr Ali-bek, "Jami al-tawarikh", Ulus of Jochi, Tatar Khanates, karachi-bek, ulug karachi-bek, ruling clans

For citation: Izmailov I.L. The social structure of Ulus of Jochi and Turkic-Tatar khanates according to materials of "Jami al-tawarikh" by Kadyr Ali-bek. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 317–334. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.317-334 (In Russian)

Возведение на престол нового Касимовского хана Ураз Мухаммеда, потомка Урус-хана из рода Тукай-Тимуридов в 1600 г. стало важным событием в истории этого татарского государства в составе Российского царства. Оно имело важное значение как для стабилизации внутреннего положения и утверждения нового вектора внешней политики. С одной стороны, русский царь Борис Годунов, утверждая нового хана после почти четверть века перерыва в правлении ханов, вполне очевидно, заручался поддержкой значительного сословия служилых татар. А с другой – показывал мусульманским и татарским ханствам, что готов отказаться от противостояния с Крымским ханством, которое достигло апогея в 70-е – 80-е гг. XVI в. на исходе правления Ивана IV и демонстрировал желание сменить вектор политики в преддверии более важного противостояния с Речью Посполитой. Для самих татар и Касимовского ханства это также стало важнейшим поворотным этапом истории. После правления рода Касима и долгого правления Шейх-Али произошла драма правления Сайин-Булата, отказавшегося от ханской власти и принявшего православие (1573 г.), за которыми последовали долгие годы безвластия, фактически разрушившую систему власти в этом татарском государственном анклаве в России.

Утверждение на престоле ханства Ураз Мухаммеда стало этапным для истории ханства, продлившее его существование почти на 80 лет и вполне осознавалось самой элитой служилых татар. Под стать этому событию стало и его увековечение в татарском историописании в таком масштабном и амбициозном для татарской историографии в России труда, как сочинение «Джами ат-таварих / Сборник летописей» Кадыр Али-бека. Важное место в нем занимает «Хвала царю Борису» и описание церемониала возведения на престол хана Ураз Мухаммеда [31, с.68-74] Совершенно прав японский тюрколог Хироюки Нагаминэ, который указывая на некоторые новые элементы в этом, по форме, классическом татарском историописании, подчеркивал новаторский его характер в плане вписывания в традиции Джучидской историографии российские реалии, фактически приравнивая и устанавливая баланс между наследием Чингиз-хана и царской властью («долгом соли и хлеба») [23, с. 115–130].

Ключевым моментом возведения на престол хана Ураз Мухаммеда была церемония, которая была подробно описана участником и активным участником событий – самим Кадыр Али-беком [2, с. 170; 31, с.88-90; 34, с. 140-142]. Церемония требует особого рассмотрения, но уже сейчас понятно, что это она была синкретичной, совмещающей традиции Джучидов и русский церемониал (например, проведение его в мечети), что, тем не менее, позволяет реконструировать основные его элементы в Улусе Джучи и других татарских ханствах, на что в определенной степени было обращено внимание в трудах В.В. Вельяминова-Зернова [6, с. 400–410].

Ключевым моментом этого церемониала являлось поднятие хана четырьмя вельможами: «Четыре человека с четырех сторон подняли Его Величество хана и посадили на золотой трон» [2, с. 170; 34, с. 141]. Кадыр Али-беку этот элемент расположения четырех аристократов показался настолько важным, что он даже изобразил его графически [6, с. 407]. Надо подчеркнуть, что у В.В. Вельяминова-Зернова перевод этого отрывка приблизительный и неверный в деталях: «За тем четыре человека, взявшись за четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана» [6, с. 403]. Очевидно, что В.В. Вельяминов-Зернов ошибся в цветах главных атрибутов церемониала – кошма, на которой поднимали хана должна была быть белой, а трон – золотым. «Алтын тахт / Золотой трон» – это не реалия, а устойчивая идиома в государствах Чингизидов для обозначения центра власти и ханского достоинства. Именно на таком «золотом троне» и должны были восседать избранные судьбой и аристократами представители «алтын урука / золотого рода» Чингиз-хана, на что указывали многочисленные современники и фольклорные материалы (см.: [15, с. 175–190]).

Кроме самого церемониала здесь важно подчеркнуть, что подобная система подъема хана на белой кошме была распространена в Монгольской империи и всех государствах Чингизидов. Сведения о нем сохранились в записках Винцента де Бове, посла венгерского короля Белы IV, присутствовавшего на коронации Гуюка. В нем есть такая выразительная деталь, принеся клятвы верности новому правителю «бароны» «…положили перед некий войлок на землю и его вновь усадили сверху … бароны затем посадили на войлок вместе с ним и жену Гога [Гуюка], и так обоих, сидящими, подняли от земли вверх на воздух, и провозгласили их громогласными и всенародными криками императором и императрицей всех тартар» [45, p. 90]. Хотя автор не указывает число «держателей кошмы», но указывает, что это аристократы («бароны») и, вряд ли, их было больше четырех.

Спустя почти два века подобный церемониал записал пленный немецкий рыцарь И. Шильтбергер, попавший в плен к турецкому султану Баязиду, после битвы

при Никополе (1396 г.), позже к эмиру Тимура, а затем вместе с Джучидом Чакре, находился при его дворе и участвовал в его коронации в Улусе Джучи. По его словам, «…при избрании короля они сажают его на белый войлок и три раза приподнимают. Затем носят его вокруг палатки, сажают на престол и вручают ему золотой меч, после чего он должен присягнуть по их правилам» [38, с. 45]. Именно такой церемониал возведения на престол казахских ханов, существовавший вплоть до конца XIX в., зафиксировал русский чиновник и этнограф А.И. Левшин в 1820 г., который указывал на несколько важных его деталей – выбирали хана влиятельные лица ханства из султанов и биев «по старшинству и знатности», но только самые знатные из них сажали будущего хана на «тонкий белый войлок» и трижды поднимали войлок за концы, провозглашая его ханом [21, с. 347]. Здесь важно подчеркнуть, что это поднятие хана на белой кошме было общей практикой для церемониала возведения на престол хана во всех государствах Чингизидов, что уже отмечалось в литературе (см.: [6, с. 408–410; 28, с. 70-73], но не менее важной частью, что иногда упускается из виду было то, что этих держателей кошмы было всегда четверо по одному на каждый угол или, как у Кадыр Али-бека, по два с правого и левого крыла [6, с. 403-407; 2, с. 170], даже там, где это не подчеркивается особо, поскольку у кошмы всегда было только четыре угла.

Вельможи, которые удостаивались права поднять хана на кошму, были не случайными знатными вельможами, а определялись строгим обычаем и являлись главами четырех правящих кланов. Во время провозглашения Ураз Мухаммеда касимовским ханом, с двух сторон (крыльев) стояли по два карачи-бека. Имена этих карачи: «Правая сторона: Джалаир Кадыр Али-бек, Исбай (Эшбай) Мангыт Темир-бек, левая сторона: Аргун Чаныш (Чаташ)-бек, Кыпчак Текей-бек / Ҙалайыр Ҡадыр-Ғәли бик, Исбай манғут Симнай бик, арғун Чаныш бик, қыпчаҡ Туҡай бик» [6, с. 403–407; 2, с. 170; 34, с. 100]. Здесь есть одна деталь, которая отличает эту церемонию от подобных в других ханствах, делая ее уникальной. Дело в том, что в татарских ханствах с близкой племенной структурой – Крымском и Казанском ханствах, состав карачи-беков другой, включающий кланы Ширин, Аргын, Барын и Кыпчак [6, с. 411–437; 35, с. 189–196; 42, p. 282–309; 13, с. 73–94; 41, p.445–466; 43, p. 283–297; 44; 36, с. 44–60; 14, с. 95–107; 16, с. 244–296; 12, с. 521–531; 37].

Изменения только в том, что в начале XVII в. в Касимовском ханстве произошло серьезное изменение социальной структуры правящего класса и из правящих кланов выпали два – Ширин и Барын, а их заменили представители кланов Джалаир и Мангыт. Это при том, что ранее во времена Шейх-Али главным кланом являлся именно Ширин [6, с. 435]. Не исключено, что Ширины и Барыны потеряли свое значение в период безханствия и так или иначе попали в немилость к царской власти. Новые реалии, потребовали не только утверждения нового хана, но и переформатировали клановую систему Касимовского ханства. Кадыр Али-бек не просто описал церемонию и зарисовал ее, но стремился узаконить новую норму и утвердить свой клан в качестве главенствующего.

Так или иначе, но даже в новом виде мы видим торжество института власти во главе с правящими кланами, которые возглавлялись карачи-беками, имевших решающее влияние на ханскую власть.

Следует подчеркнуть, что долгое время подобная система не была опознана и, соответственно, не изучена наукой. Уже в первых работах о социальном строе Улуса Джучи, особенно в трудах профессора Казанского университета И.Н. Березина [5], никакого упоминания об этом институте нет. Впервые он был изучен в трудах В.В. Вельяминова-Зернова, который на основе изучения различных ис-

точников, описал систему власти в Касимовском ханстве, сделав вывод, что подобная система существовала также в других татарских ханствах [6, с. 411–437].

В советской историографии 40-х – 50-х гг. XX в. внутренняя структура Золотой Орды практически не изучалась, фактически вернувшись к пониманию внутреннего устройства страны и общества к донаучным временам, подчеркивая, что Золотая Орда была кочевым раннеклассовым обществом с практически неразвитыми социальными отношениями. Важным шагом, порывающим с этой традицией умолчания, стали труды Г.А. Федорова-Давыдова [33]. Хотя эта работа стала этапной, но все же в советской парадигме, и в ней гораздо больше внимания уделялось пониманию «кочевого феодализма» и социальной структуре, чем реальной системе внутреннего устройства общества. Дело в том, что он, как советский историк, понимал общественное устройство в марксистском смысле, как взаимодействие классов и борьбы аристократии за власть. Понятно, что подобный анализ не учитывал, что феодальная система была достаточно устойчивой как в Европе, так ив Азии. В контексте изучения сочинения Кадыр-Али-бека описание некоторых социальных терминов предложил М.А. Усманов, дополняя и поправляя предшественников, указывал, что они представляют большой интерес для изучения татарских обществ XV–XVII вв. [31, с. 90–95].

Этапным шагом в понимании того, как была организована власть и общество в Улусе Джучи, стала диссертация Ю. Шамильоглу, где он дал характеристику клановой системе правящего татарского сословия. В частности, Ю. Шамильоглу отмечает, что правящая племенная конфедерация в Большой Орде – прямой наследнице кочевой части населения Золотой Орды, состояла из кланов Кыйат, Салджигут, Конграт и Мангыт. Но в синхронном Крымском ханстве, как и в ханствах Казанском и Касимовском, политическое ядро государства образовывала конфедерация кланов Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак [44, с. 90–129; 37, с. 77–156].

Это понимание структуры власти в Монгольской империи и державах Чингизидов получило дальнейшее развитие в трудах Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова [14, с. 95–107; 16, с. 118–168; 17, с. 310–320; 11, с. 62–68; 12, с. 521–531; 40, p. 744–757]. Во-первых, продолжилось изучение самой структуры общества, в первую очередь его военно-служилого татарского сословия, представленная иерархией во главе с четырьмя правящими кланами, возглавляемыми карачибеками. Во-вторых, была рассмотрена сама структура власти от хана до податного населения, в которой клановая система и карачи-беки занимали свое место аристократического сословия. Внутри это военно-служилое сословие делилось на страты с разной титулатурой, но это было не просто феодальное общество как пирамидально организованная система, как представлялось ранее историкам от Франсуа Гизо до Марка Блока, а гораздо более сложно организованная система, пронизанная горизонтальными и вертикальными связями. В-третьих, было выявлено, что карачи-беки были не просто так названы «столпами трона» в ильханидской традиции, а представляли собой вершину айсберга военно-служилого сословия, организованного по племенному признаку и создававших сложную систему власти и управления, поскольку именно через них осуществляли свое господство тюрко-монгольские кланы.

Важнейший вывод, сделанный Ю. Шамильоглу, и который нашел сейчас много оснований для подтверждения и поддержки, состоял в том, что данная система была универсальной и постепенно выкристаллизовалась во всех государствах Чингизидов [43, p. 283–297; 36, с. 44–60; 37, с. 77–117]. Сейчас этот вывод поддерживается ведущими историками Улуса Джучи (например, см.: [17, с. 310–320; 30, с. 21–34]). Он основывается на понимании идентичности правовой

системы в государствах Чингизидов и соответственно их властных и правовых институтов, что предполагает высокую степень подобия их военно-административной структуры [24], что подтверждается конкретными исследованиями административной практики государств Ильханидов и Джучидов, подтверждающих высокую степень их идентичности и возможности использовать в качестве аналогий в тех случаях, когда некоторые аспекты этих институтов недостаточно обеспечены источниками [1, с. 770–798].

В этой связи удивляет появление в англоязычной литературе статей, в которых отрицаются эти достижения историографии и постулируется странная мысль, что карачи-беки – это результат превращения «родового государства» в квазифеодальное, а сам термин «карачи» якобы использовался в персидской историографии в качестве уничижительного термина (от слова «qara / черный») для части гвардии (кешектенов), «превысивших свои полномочия». После смерти Газан-хана этот институт якобы исчез, но возродился в Крымском ханстве, где также обозначал неприятие неправомерного вызова ханам со стороны [39, p. 181–199]. Вызывает удивление, что подобные широкие обобщения и далеко идущие выводы делает историк, абсолютно незнакомый с российской историографией и современной литературой по структуре власти в Улусе Джучи и татарских ханств. Он, не приводя серьезных аргументов отвергает выводы Ю. Шамильоглу и рассматривает карачи-беков, которых сами источники, на которые он ссылается, именуют «опорой трона», как неких случайно возвысившихся аристократов, чьи претензии на власть были отвергнуты. В действительности же, он отрицает не только идентичность социальных и властных структур в государствах Чингизидов, но и вообще, что в этих, по его мнению, «квазифеодальных государствах» были какие-то сложные институции, а царила племенная анархия. Между тем, это документально опровергается целым комплексом источников, известных европейской науке еще с начала XIX в., которые доказывают не только существование строгой четырехклановой системы организации военно-служилой тюрко-монгольской аристократии, но то, что вожди этих племен (карачи-беки или улусбеки) во главе с улуг карачи-беком (беклярибек или эмир над эмирами) осуществляли власть над ханством [1, с. 785–790]. В этом смысле карачи-беки являлись не просто «опорой трона», но и «смотрящими» за тем, чтобы власть действовала в интересах всего этого военно-служилого сословия, надзирая не только над своими кланами и владениями (улусами), но и над самим ханом. Отрицать существование системы четырех карачи-беков означает фактически отказ от осмысления структуры власти и управления в государствах Чингизидов, как целостной системы. В этом смысле М. Хоуп в лучших традициях «ориентализма» пытается без всяких оснований свернуть многолетние исследования государств Чингизидов и вернуться к историографии начала XX в., представлявшей историю империй Чингизидов, как анархию действий различных племен и вождей – коловращение случайное и мимолетное [39, p. 199–199]. Однозначно можно сказать, что это путь в сторону от мировой историографии и даже попытка возвратного движения.

Кроме непонимания структуры тюрко-монгольского общества во время правления Ильханидов, М. Хоуп явно путается в тюркских терминах [39, p. 181–185]. Иначе он бы знал, что слово «карачи» происходит не от термина «qara» – «черный», а является отглагольным существительным от слова «qara-» – «смотреть» [10, с. 422, 424]. Хотя в древнетюркских текстах и встречается термин «qara’am bodun», как «простой, черный народ» [10, с.423], но термин «карачи» явно восходит по происхождению к другому полигону смыслов, связанных с

употреблением воинских и знатных понятий, таких как «qaraγu» / «дозор, охранение» и даже часть составного титула правителей Караханидов.

Интересно, что Кадыр Али-бек несколько раз в тексте употребляет термин карачи (карачу): «Личная тысяча Богорчи-нояна из племени арулат. Он был самым старшим из карачу-беков Чингиз-хана. …

Во время Хубилай-хана Эл-Тимур, сын Богорчи, а затем Буралдай бин Эркамыш, у которого было много сыновей и все они были старшими карачу-беками» [2, с. 139].

Из контекста ясно, что речь идет о высшей аристократии, которая была связана службой и особыми связями с Чингизидами. Тем удивительнее, что автор перевода и комментариев Р. Алимов делает ту же ошибку, что и М. Хоуп, настаивая, что термин «карачи» может быть переведен одновременно как «высший сановник» и как «чернь, простолюдин» [2, с. 195]. Разумеется, что такое полярное употребление термина было в средневековом обществе было просто невозможно. Здесь автор делает явную ошибку, суть которой в неправильно понятом термине карачи-бек.

Основой этой ошибки, очевидно, является неверный перевод одной фразы Кадыр Али-бека: «Beklari, qaraculari aydi…» [2, с. 51] – «Его беки и слуги говорили ему…» [2, с. 130]. Чтобы понять реальный смысл этой фразы обратимся к тексту Рашид ад-Дина, из которого татарский историк заимствовал этот пассаж. В нем речь идет об истории захвата беременной жены Чингиз-хана Бортэ-фуджин, которая попала в плен к меркитам, а потом к кереитскому Ван-хану (Он-хану), приближенные которого и спрашивали его, почему он не возьмет себе в наложницы Бортэ. У Рашид ад-Дина сказано буквально следующее: «Его эмиры говорили [ему]: «Почему ты не возьмешь ее [себе]?» [25, с. 68]. То есть, Рашид ад-Дин совершенно отчетливо указывает, что обращались к хану именно «эмиры» и никаких слуг там не было и не могло быть, поскольку в сословном монгольском обществе (или в державе Ильханидов) никакой слуга не мог обратиться к хану с таким вопросом. Именно так описывает реалии этой ситуации Кадыр-Али-бек, подчеркивая, что к хану обращались именно беки и карачи-беки. То есть, Р. Алимов поступает явно непоследовательно и вместо перевода: «Его беки и карачи говорили ему», он искажает смысл пассажа, неоправданно превращая высших аристократов карачи-беков в «слуг» и давая в глоссарии перевод термина «qarači» как «чернь, простой народ, визирь, высший сановник» [2, с. 195]. Это явная ошибка. Автор явно путает два совершенно разных, но омонимичных термина «qarači / qaraču» – карачи (карачибек) и qara halq – «черный люд, простолюдин, чернь».

Другой интересный вопрос, почему автор не написал, как у Рашид ад-Дина «беки». Видимо, он стремился везде, где можно подчеркивать власть и укорененность термина и высшее положение карачи-беков при дворах Чингизидов, доказывая тем самым свое право на власть и знатность.

В целом, следует подчеркнуть, что титул карачи-бек в тюрко-монгольских государствах носили представители высшей аристократии, и предводители четырех правящих кланов. Происхождение этого термина происходит от отглагольного существительного («qara-» / «смотреть»), как «смотритель», «человек наблюдающей за состоянием дел в государстве». Институт карачи-беков появился в империи Чингиз-хана уже в начале XIII в. и основывался на более ранних традициях государственного устройства кочевников (но под другим названием). Институт карачи-беков существовал во всех государствах Чингизидов, в том числе в Джучи Улусе, Казанском, Крымском, Касимовском ханствах. В государствах

Чингизидов четверо карачи-беков составляли высший государственный совет при хане («Великий диван») и занимались рассмотрением и решением важнейших дел страны. В их ведении находились финансово-административные службы, распоряжение частью земельного фонда, гражданское (высшее) судопроизводство, внешняя политика, военное дело и т.д. Они же обладали правом подписи государственных актов, указов, грамот.

Как правило, карачи-беками становились представители четырех главнейших родов в государстве (причем не всегда чингизидских), которые управляли четырьмя большими улусами (иногда они занимали всю территорию страны). Должности карачи-беков постепенно становились наследственными и в ряде государств несменяемыми. Из среды карачи-беков обычно, выдвигался улуг карачи-бек (беклярибек, т.е. «бек над беками», араб. эквивалент эмир-ул-умара / «эмир над эмирами») и везир. Первый, как правило, сосредотачивал решение дел внешней политики, организации войска и ведение боевых действий, а также судопроизводства, а второй – внутренних дел (землевладение, финансы и т.д.). Иногда эти функции делились между всеми четырьмя карачи-беками. Военное и экономическое могущество карачи-беков основывалось как на доступе к государственной казне (управление улусами), так и за счет собственных владений (туменов и илей). В зависимости от соотношения силы знати и хана роль и значение карачи-беков в управлении делами страны были различными. В государстве Хулагуидов (Ильханидов) власть карачи была более заметной, чем в других улусах. Но в середине XIV в. по мере усиления аристократии и ослабления могущества ханов, росло влияние карачи-беков и в Улусе Джучи. Некоторые из них улуг карачи-беки (беклярибеки) становились фактически правителями страны – Мамай, Идегей. О могуществе улуг карачи-бека свидетельствует немецкий рыцарь, долго живший в Улусе Джучи: «Должен заметить, что в Великой Татарии есть сановник, который назначает и низвергает королей, которые во всем от него зависят. Тогда эту высокую должность занимал Едигей» [38, с. 35].

Татарские ханства (Казанское, Крымское, Касимовское, Сибирское и др.), возникшие в XV в. на месте Золотой Орды, сохранили институт карачи-беков. В них этот титул носили главы четырех главнейших родов (Ширин, Барын, Артын и Кыпчак, в некоторых случаях они заменялись главами кланов Джалаир или Мангыт) и их должность была наследственной и несменяемой. Могущество карачи-беков было настолько велико, что они не только управляли всеми государственными делами, но и назначали и свергали ханов. Часто решение (особенно в Казанском и Крымском ханствах) дивана (совета карачи-беков) лишь подтверждали курултаи. Видимо, традиционно в татарских ханствах XV–XVI вв. ведущую роль среди карачи-беков играли представители рода Ширин, из которых, как правило, назначались беклярибеки.

Как и все социальные институты карачи-беки с течением времени трансформировались в зависимости от конкретных обстоятельств. Так, во второй половине XVII в. институт четырех правящих кланов в Крымском ханстве претерпевает серьезные изменения, превращаясь в пятичленную систему, что было зафиксировано, в частности, в ярлыке хана Мурад-Гирея царю Федору Алексеевичу [6, с. 413]. Объясняется это внедрением в традиционную систему правящих кланов – Ширин, Седжеут, Аргын и Барын во второй половине XVI в. нового клана Мангыт, который за счет своего военного могущества постепенно смог получить титул карачи-бека и потеснить другие кланы.

Наряду с карачи-беками связь с клановой системой ханом утверждалась через целый ряд институтов, важность и значимость, которых особо подчеркнул

Кадыр Али-бек: «Қарачулары, аталық, имилдәшләре хан хәзрәтләренең үстүнә нәсарләр қылдылар / «Карачи, аталык, имильдаши осыпали его величество хана [деньгами, подарками]» [2, с. 170; 34, с. 100].

Интересно, что аталык назван вторым после карачи-беков высшим представителем татарский аристократии. В этой связи можно сделать предположение, что сам Кадыр Али-бек был выдвинут в число карачи-беков и стал их главой даже не имея за собой могущественного клана и оттеснив от власти правящий до этого клан Ширин, не просто за свои способности, а поскольку был аталыком хана Ураз Мухаммеда. Будучи его доверенным лицом и наставником, он стал не просто ближайшим советником, но и был назначен улуг карачи-беком при хане. Одновременно этот механизм может показать, почему у нас не так много сведений об аталыках в исторических источниках. При достижении вершин власти своим воспитанником, а особенно когда султан становился ханом, то аталык вместе с ним повышал свой статус, получая новый титул и место при дворе.

Аталык (от тюркского «ata» – «отец), т.е. «опекун, человек, заменяющий отца, наставник», очевидно восходит к тюркскому «ataliγ» – буквально «имеющий отца, отцовство» или производное от глагола «ata-» «называть, давать имя, даровать титул» [10, с. 66]. Обычай передачи детей под покровительство и на воспитание аталыкам, как и сам обычай аталычества корнями уходит в древность и родовой строй, когда существовал обычай усыновления покровителя. Под влиянием работ ряда этнографов в советской науке некоторое время бытовало мнение, что аталычество является некоей особенностью, характерной для Северного Кавказа (см.: [19, с. 41–62;]), но постепенно был сделан вывод об универсальности подобных обычаев и связи его происхождения со становлением раннеклассовых отношений [8; 27, с. 216–245]. Характерно, что подобный институт отдачи детей знати в менее знатные семьи на воспитание существовал в Скандинавии, при этом между отцом ребенка и воспитателем устанавливалась особая связь, а род, получавший знатного отпрыска на воспитание, приобщался к «удаче» и «счастью» его рода. В целом, этот институт имел много разных смыслов, но так или иначе служил установлению тесных квазиродственных связей, укреплявших оба рода [9, с. 79–80].

Широко обычай аталычества был распространен у тюркских народов и, несомненно, имел довольно древнее происхождение. В частности, он был известен у сельджуков, у которых для этого использовался титул атабек. Например, основатель династии атабеков Азербайджана Шамс ад-Дин Ил-Дегиз ал-Мас’уди в свое время был атабеком сыновей султана (см.: [26, с.230]).

Практиковался этот обычай у монголов. Описывая его Б.Я. Владимирцов отмечал, что «довольно часто дети сюзеренов воспитывались не дома, в ставках своих родителей, а у их феодальных вассалов … Большие сеньеры отдавали на воспитание своих детей по двум мотивам: 1. Хотели этим теснее связать вассалов с собою и со своим потомством, 2. Создать условия, при которых дети их могли бы подрасти с меньшим риском гибели в малолетстве, проживая в разных местах и вдали от ставки сюзерена, которая всегда могла подвергнуться нападению. … И часто могло случиться, что, благодаря положению воспитателя, вассал получал большое преимущество перед другими» [7, с. 183]. Эти соображения, видимо, были универсальными для многих средневековых обществ и были почетной обязанностью кланов по отношению к роду Чингиз-хана, а при случае могли помочь им возвыситься и стать более знатными и богатыми.

В Улусе Джучи аталык часто был первым советником и наставником малолетнего хана, а позднее становясь улуг карачи-беком (беклербеком) помогал

управлять государством и командовал войсками. В разные периоды истории их значение то резко возрастало, то сводилось к чисто воспитательным функциям. В.В. Вельяминов-Зернов дает такое определение: «Под аталыком понимали наставников, наблюдавших за воспитанием сыновей царских, до высших сановников в государстве» [6, С. 437].

Например, явно являлся аталыком султана Тимур-Кутлука эмир Идегей, хотя так он в источниках и не назван. В «Таварих-и Гузида-ий нусрат-наме» есть объяснение действия этого социального механизма в связи с Мухаммадом-Шейбани ханом – будущим правителем Государства кочевых узбеков. Когда он и его брат «остались маленькими» после смерти отца, они «находились в доме уйгура Бай-Шайх – атеке, так как этот Бай-Шайх был атеке (т.е. аталыком – И.И.) их отца» [22, с. 19]. Так, по данным Абдулгаффара Кырыми, Бату послал Шибана с 30 000 воинов со своим аталыком Бор Алтай Тараклы Киятом против Манкупа в Крыму [44, p. 94; сходный рассказ см. также: 32, с. 95], а когда Ногай конфликтовал с ханом Токтой, он потребовал у хана выдачи ему эмира Салджидая из клана Кунграт, бывшего отцом жены Токты. Хан на это не согласился и заявил: «Он мне как отец и воспитатель (т.е. явно подразумевается аталык – И.И.), и [он] старый эмир» [29, с. 423]. Другая личность – Баджирток-Буга из клана Уйгур, бывший также аталыком этого хана, пытался после его смерти, женившись на вдовах хана Токты, провозгласить себя ханом [32, с. 103].

Этот институт, широко известный в татарских ханствах XV-XVII вв., хорошо изучен в исторической литературе и получил практически исчерпывающую характеристику в ряде публикаций, не оставляющих сомнений в важности и авторитетности его в среде военно-служилой татарской аристократии [4, с. 412–436; 3, с. 10–24; 18, с. 284–292; 41, с.445–466]. В русских документах «аталык» часто обозначался термином «дядька» и был известен еще с периода Киевской Руси, а в XV–XVII вв. он ограничено использовался в среде татарских служилых царевичей и мурз [4, с. 427–430].

Как и в других обществах в татарских ханствах благодаря этому институту через взаимное усыновление происходило укрепление родовых связей между султаном из рода Джучи с одним из татарских кланов. По мере взросления султана и утверждения его ханом, аталык становился одним из сановников, приближенных и доверенных лиц хана, который связывал правителя не только со своим кланом, но и осуществлял неформальные связи с другими кланами.

Еще одним институтом, специально указанном Кадыр Али-беком, в качестве ближайших сподвижников и вельмож касимовского хана были указаны имильдяши. С одной стороны, это подчеркивает, что это был хорошо известный термин, а с другой – подчеркивает его знатность и принадлежность к ближнему кругу доверия хана. Институт этот был хорошо известен в тюрко-татарском мире, а как институт имел широкое распространение в мире и известен во многих обществах.

Имильдаш, имильдеш, эмильдаш (emildäš – тюркский термин «имильдяш» / «молочный брат», реже «молочная сестра», в русских источниках – «мамич»), восходит к древнетюркскому термину «emikdäš» [10, с. 173]. Прекрасный обзор происхождения этого термина и его функционирования в этих татарских обществах сделан венгерским тюркологом И. Вашари [46]. Объясняя этот термин В.В. Вельяминов-Зернов, писал, что «Имильдашами звались вообще приближенные, сверстники лиц владетельного дома» [6, с. 439]. Но ситуация с этими «молочными братьями» была явно не так проста, как хочет показать историк. Это был важный социальный институт и так он и должен рассматриваться.

Институт имильдяшей, т.е. названных братьев, «братьев по кормилице» являлся одним из важнейших в сословно-социальной организации в тюркских государствах. Сам этот обычай, ведущий происхождение еще с древнейших времен и означал близкое особого вида родство через то, что они питались молоком одной и той же женщины, матери одного из них. В древности это был, очевидно, способ усыновления в условиях повышенной смертности рожающих женщин и детей. Установления этого обычая позволяло регулировать все наследственные и имущественные права всех участников этих отношений и имел серьезные последствия в их судьбах. Даже брак между молочными братьями и сестрами считался недопустимым.

В период становления классовых отношений, роста имущественной дифференциации и властных полномочий, формирования племен и военных вождей институт молочного братства приобрел новое содержание, став способом связать различные рода иными, не брачными, но не менее крепкими отношениями. Очевидно, этот институт имел всемирный характер и в той или иной степени был известен всем раннеклассовым обществам.

В средневековом обществе этот институт молочных братьев стал важной формой, связывающей представителей аристократии со своими слугами, повышая их статус до побратимства и связывая между собой различные роды, находящиеся на разных ступенях сословной иерархии. Он создавал возможность кланам, отправляя младших сыновей в семьи султанов, связывать себя с ними родственными связями. Поскольку же реально в семьи султанов отправлялись несколько сыновей, то это создавало стабильную систему внутриклановых связей, придавая ей устойчивость и стабильность.

У тюркских народов этот социальный институт был зафиксирован в словаре Махмуда Кашгари, как «амикдаш» (от амик – «(женская) грудь» и даш – «суффикс отождествления, уподобления»), т.е. «товарищ по сосанию груди», «молочный брат». В этой форме этот термин известен в золотоордынских литературных сочинениях XIV в. (Кутб «Хосров и Ширин») и различных тюркских языках [46]. Очевидно, что институт квазиродственных отношений был известен в тюрко-монгольских обществах еще с периода раннего средневековья. Но особое значение и известность, как особый социальный институт, он получил в Монгольской империи.

Термин «имильдаш» был широко известен в Улусе Джучи и тюрко-татарских государствах XV–XVII вв., вплоть до Бухарского ханства. В Улусах Чагатая и Хулагу, а позднее в государстве Тимуридов, а также Империи Великих Моголов был распространен близкий к нему по смыслу термин «кокалдаш» («молочный брат», «молочная сестра») [46]. В.В. Вельяминов-Зернов приводит цитату из письма 1565 г. ногайского Динбай-мурзы царю Ивану IV: «Тинбай мирзино слово: Великому князю Белому царю бью челом: у того боярина, который в Казани живет, моя имилдешица Акчакою зовут, и тыб ее пожаловал мне отдал» [6, с. 440].

Этот институт был известен в различных источниках по истории XV–XVI вв., как татарского, так и русского происхождения, несомненно, показывая его широкое распространение в тюрко-татарских государствах на постзолотоордынском простанстве. Так, князь А. Курбский, описывая эпизод пленения казанского хана Едигера, указывал, что с ханом было два «имилдеши», и сделал приписку: «мамичи, яз бывают питаемы единем соском с царским отроком» [20, с. 256–257]. То есть, сам термин «мамич» был вполне понятен его читателям. Этот термин и связанные с ним социальные отношения и их роль при ханском

дворе широко использовались в Крымском ханстве, где имильдяш означал ближайших доверенных лиц ханов, охранявших их и выполнявших различные поручения. Этот термин был известен также в Русском государстве в форме «мамич», т.е. «брат по кормящей матери», «молочный брат», восходившей, несомненно, к государственным традициям Золотой Орды. Во всех средневековых татарских ханствах функции имильдяшей были одинаковыми – они составляли круг ближайших доверенных лиц, занимаясь охраной или выполняя особые доверительные военные и дипломатические поручения. Очень хорошо этот факт подтверждает письмо Динбая-мурзы, отправленное царю Ивану IV в 1564 г. с длинным перечислением его доверенных лиц, направленных во главе ногайского войска на войну России против Речи Посполитой: «И мы приговорив полк людей послали на службу, а голова у них в полку Матай князь так бы еси ведал, великой у меня он человек. Да после его имилдеш мой Бахты-Келди имилдеш, а язь с ним кормлен у одних грудей. И оба они у одних грудей со мною кормлены. А у меня приближенные они люди. Язь сам избрав послал. Да Солтай имилдеш. И ты бы тех дву человек пожаловал как именя» [6, с. 439].

Суть этого института «имилдяш / кокалдаш» состоял в том, что оглан (султан) еще с младенчества имел кормилиц из одного или нескольких кланов, и через них и их детей, роднился с ними, что обеспечивало им не только верных побратимов, но и лояльность соответствующих кланов. Не исключено, что оглана отдавали в семью аталыка еще в младенчестве и тем самым создавали возможность для установления имилдяшества [4, с. 413]. Прямое указание на это есть в том же письме Динбая царю Ивану IV: «Дятки (в тексте, без сомнения, стояло слово: аталык) моего сын имилдеш мой кормлен со мною у одних грудей, а ныне дей он у твоего слуги у Григорья, пожалуеш его ты ведаеш» [6, с. 439]. Вполне возможно, что и выбор аталыка часто был связан с наличием в его семье малолетних детей, хотя ясно, что этот факт не играл решающей роли в выборе приемной семьи. Эти квазиродственные отношения продолжались всю жизнь и, если оглан, волею обстоятельств и судьбы, занимал ханский трон вместе с ним поднимались по сословной лестнице не только его имильдяши, но и весь клан. Тем самым, оглан (султан), а позднее хан, расширял базу своей поддержки и имели дополнительный механизм поддержки кланов кроме клана своих жен. Одновременно, это был еще один институт названного родства, позволявший кланам контролировать хана, не позволяя ему единолично устанавливать свою власть, и в определенной степени контролировать его амбиции.

Вся государственная, правовая и административная система Монгольской империи, а вслед за ее распадом и в государствах Чингизидов имела строгую и единообразную систему власти и управления, которая базировалась на могуществе военно-служилой аристократии, объединенной в татаро-монгольские кланы, вершиной которых являлись четыре самых знатных правящих клана. Названия этих кланов в конкретных государствах и различных периодах и даже их число в раннее новое время (пять вместо традиционных четырех) могло меняться. Однако вся эта система, образующая и организующая структуру самой власти в государствах Чингизидов, оставалась неизменной. Правящие кланы осуществляли свою власть через закрепленные традицией и Йасой, очевидно, неписанные правила, по которым их главы – карачи-беки – являлись не просто держателями белой кошмы во время возведения хана на трон, но реальной «опорой трона», поскольку контролировали военную силу, на которую мог и опирался хан. Выразителем интересов всех других карачи-беков (и / или улус-беков) являлся улуг карачи-бек («великий карачибек») или беклярибек. Карачи-беки не только являлись

ближайшими советниками хана и высшими чиновниками, например, из их среды выдвигался везир (визирь). Но кроме этой вертикали власти внутри она была пронизана многочисленными горизонтальными связями, которые играли роль «сдержек и противовесов», не позволяя всему механизму власти пойти вразнос и стать ареной межклановых конфликтов.

Среди всех других подобных институций следует выделить такие как аталычество и имельдяшество, как важнейшие механизмы внутриклановых и межклановых взаимодействий. Эти общественные институты, несмотря на свою кажущуюся архаичность, играли важное значение в социальной структуре тюрко-татарских государств. По сути дела, они являлись связующим звеном между ханами Чингизидами и клановой аристократией. Подобные отношения родства были выгодны обеим сторонам: татарская аристократия приближалась к трону, а ханы получали опору среди родовой знати, получая преданных слуг и надежную опору. Аталыки были не просто учителями-наставниками, но и главными советниками будущих ханов, которые, часто, не занимая официально высоких постов, реально активно формировали политику своих воспитанников. Не говоря уже о том, что от личных качеств и авторитета аталыка и его клана во многом зависело, выберут его воспитанника ханом или нет. Точно также выбор имильдашей связывал взаимными обязательствами султана и будущего хана с кланами своих «молочных братьев». Как вступление в брак, выбор «имельдашей» и «аталыка» являлся ответственной процедурой и важным институтом укрепления власти хана.

Именно с помощью них вся эта система была накрепко связана с «алтын уруком» – «золотым родом» Чингиз-хана, представители которого единственные могли возглавлять государство. Поэтому кланы, чтобы править, должны были подчиняться хану, а он, в свою очередь, управляя, опирался на них через своих ближайших советников, которые были ему названными родичами, но и одновременно, выходцами из определенного правящего клана. Эти институты создавали реальную сеть социальных и межклановых связей. Через горизонтальные связи султан через своего аталыка и имильдяшей получал поддержку различных кланов, что создавало внутреннюю связь Чингизидов с родоплеменной системой, что давало ему не только клановую лояльность, но и в зависимости от могущества клана аталыка и его имильдяшей, усиливало его позиции в системе правящих кланов, давая ему значительные шансы в борьбе за выбор именно его в качестве хана. Неудивительно, что часто аталыками становились выдающиеся личности, способствовавшие продвижению своего султана к вершинам власти.

Таким образом, вся эта система была довольно сложной и построенной, скорее на обычном праве, чем на писанных законах, но при этом через различные институты вертикальных и горизонтальных связей, сохраняла поразительное внутреннее единство, просуществовав многие века с периода средневековья практически до новейшего времени (XIII-XX вв.), от империи Чингиз-хана до Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

Разумеется, что такое понимание институтов власти и управления в средневековых татарских обществах периода Улуса Джучи и тюрко-татарских ханств имеет принципиальное значение и теоретическое понимание системы, тогда как материалы, изложенные в сочинении Кадыр Али-бека, позволяют подкрепить понимание всех этих проблем фактами функционирования этой системы в конкретных условиях Касимовского ханства в переломную эпоху начала XVII в., когда она еще сохраняла целостность и опиралась на людей, помнивших и ясно осознававших данную традицию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770-798 EDN: DAFJXN

2. Алимов Р. Кадыр Али-бек. Джами ат-таварих. Факсимиле рукописи / авт. издания текста, исследования, критического текста, перевода с тюрки, словаря. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2022. 544 с.

3. Атыгаев Н.А. Аталыки и институт аталычества в Казахском ханстве // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2021. №3 (136). С. 10–24.

4. Беляков А.В., Виноградов А.В., Моисеев М.В. Институт аталычества в постзолотоордынском мире // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 412–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.412-436

5. Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб.: Тип. ИАН, 1863. 112 с.

6. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб.: Тип. ИАН, 1863. 500 с.

7. Владимирцов В.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., М.: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.

8. Гарданов В.К. Аталычество // IX международный конгресс антропологических и этнографических наук (сентябрь 1973 г., Чикаго): доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. 22 с.

9. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., Высшая школа, 1970. 224 с.

10. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.

11. Измайлов И.Л. Этносословная структура Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. Вып. 4. С. 62–68.

12. Измайлов И.Л. Структура власти в позднезолотоордынских государствах // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.IV. Татарские государства XV – XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 521–531.

13. Иналджик Х. Хан и родовая знать: Крымское ханство под управлением Сахиб Гирея // Панорама-Форум. 1995. №3. С. 73–94.

14. Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI вв. // Панорама-Форум. 1995. №3. С. 95–107.

15. Исхаков Д.М. Золотоордынская этнология татар: 1. Эпический и исторический «золотой трон» («алтын тәхет») // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3(5). С. 175–190.

16. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

17. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Хан и аристократия: структура власти и управления // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 310–320.

18. Козинцев М.А. Аталычество в Крыму (по материалам рукописи анонимного сборника из собрания Института восточных рукописей РАН) // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2. С. 284–292. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.284-292

19. Косвен М.О. Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2. С. 41–62.

20. Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. Составление и ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1986. С. 218–399.

21. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

22. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука КазахССР, 1969. 651 с.

23. Нагаминэ Х. Еще раз о сочинении Кадыр-Али-бека («Джами ат-таварих / Сборник летописей») // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 115–130. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.115-130

24. Почекаев Р.Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. 2-е изд. Казань: Татар. кн. изд-во, 2022. 367 с.

25. Рашид ад-Дин Ф. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.

26. Садр ад-Дин Али Ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-селджукиййа / Сообщения о сельджукском государстве. Издание текста, перевод, введение, прим. и прил. З.М. Буниятова. М.: Наука, 1980. 528 с

27. Смирнова Я. С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция // Кавказский этнографический сборник. Вып. 9. Отв. ред. Н.Г. Волкова, В.К. Гарданов. Москва: Наука, 1989. С. 216-245.

28. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.

29. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

30. Трепавлов В.В. Беклербек в структуре монгольской и тюркской государственности // Золотоордынское обозрение. 2014. №2 (4). С. 21–34.

31. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд. Казан. Университета, 1972. 223 с.

32. Утемиш-Хаджи. Чингиз-наме. Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, примечания, исследования В.П. Юдина, комментарии и указатели М. Х. Абусеитовой, Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

33. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.

34. Хисамиева З.А. Язык дастанов Кадыр Али-бека. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2022. 244 с.

35. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. 3-е изд. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.

36. Шамильоглу Ю. «Карачи беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации монгольской мировой империи // Из истории Золотой Орды. Казань: Фонд им. М. Султан-Галиева, 1993. С. 44–60.

37. Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2019. 260 с.

38. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Пер. со старонемец. Ф.К. Бруна. Баку. Элм. 1984. 86 с.

39. Hope M. «The Pillars of State»: Some Notes on the Qarachu Begs and the Kešikten in the Īl-Khānate (1256–1335) // Journal of the Royal Asiatic Society. 2017, vol. 27, Iss. 2, pp. 181–199

40. Izmailov I.L. Tatars of the Jochid Ulus: the formation and development of an ethnopolitical identity in the 13th–15th centuries // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 744–757. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.744-757 EDN: BKYOGT

41. Inalchik H. The Khan and tribal aristocracy: The Crimean Khanat under Sahib Girai // Harvard Ukranian Studies. 1979-1980, vol. 3–4. part 1, pp. 445–466.

42. Manz B.F. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532 // Harvard Ukranian studies. 1987, vol. 2–3. pp. 282–309.

43. Shamiloglu U. The Qarači beys of the later Golden Horde: notes on the organization of the Mongol world empire // Archivum eurasiae medii aevi. 1984, vol. IV, pp. 283–297.

44. Shamiloglu U. Golden Horde: Society and Civilization in Western Eurasia. 13th–14th Centuries. Madison, Wisconsin, 1998. 129 p.

45. Saint-Quentin Simon de. Histoire des Tartares. Publ. J. Richard. Paris: Librairie orientaliste P. Geuthner, 1965. 132 s.

46. Vasary I. The institution of foster-brothers (emildas and kokaldas) in the Chingisid states // Acta Orientalia (Budapest). 1983. T. XXXVI. Fasc. 1–3, pp. 549–562.

Сведения об авторе: Искандер Лерунович Измайлов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (410111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: ismail@inbox.ru

Поступила 13.03.2023 Принята к публикации 29.05.2023
Опубликована 29.06.2023

REFERENCES

1. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. “Dastur al-katib” as a source on history of state, law and chancellery culture of the Golden Horde (by the example of yarlighs on the appointment of emirs of the ulus). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 4, pp. 770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770–798 (In Russian)

2. Alimov R. *Kadyr Ali-bek. Jami al-tawarikh*. Facsimile of the manuscript / critical edition, research, translation from Turkic and glossary by R. Alimov; under scientific supervision by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History, 2022. 544 p. (In Russian)

3. Atygaev N.A. Atalyks and the Institute of Atalychestvo in the Kazakh Khanate. *Bulletin of the Eurasian National University. L.N. Gumilyov. Series Historical Sciences. Philosophy. Religious studies,* 2021, no. 3 (136), pp. 10–24. (In Russian)

4. Belyakov A.V., Vinogradov A.V., Moiseev M.V. The Institute of Atalism in the Post-Golden Horde World. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 412–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.412-436 (In Russian)

5. Berezin I.N. *Essay on the internal structure of the Dzhuchiev ulus*. Saint Petersburg: Tip. IAN, 1863. 112 p. (In Russian)

6. Velyaminov-Zernov V.V. *Research about the Kasimov tsars and princes*. Part 2. Saint Petersburg: Tip. IAN, 1863. 500 p. (In Russian)

7. Vladimirtsov V.Ya. *The social structure of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism*. Leningrad, Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1934. 224 p. (In Russian)

8. Gardanov V.K. Atalism // IX International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences (September 1973, Chicago): reports of the Soviet delegation. Moscow: Nauka, 1973. 22 p.

9. Gurevich A.Ya. *Problems of the genesis of feudalism in Western Europe*. Moscow: Higher School, 1970. 224 p. (In Russian)

10. Ancient Turkic dictionary. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Russian)

11. Izmailov I.L. Ethno-class structure of the Kazan Khanate. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2012, iss.4, pp. 62–68. (In Russian)

12. Izmailov I.L. The structure of power in the late Golden Horde states. *History of the Tatars since ancient times*. In 7 vols. T.IV. Tatar states of the 15th–18th centuries. Kazan: II AN RT, 2014, pp. 521–531. (In Russian)

13. Inaldzhik H. Khan and tribal nobility: Crimean Khanate under the control of Sahib Giray. *Panorama-Forum*. 1995, no. 3, pp. 73–94. (In Russian)

14. Iskhakov D.M. To the question of the ethno-social structure of the Tatar khanates (on the example of the Kazan and Kasimov khanates of the 15th– mid-16th centuries. *Panorama-Forum*. 1995, Nno. 3, pp. 95–107. (In Russian)

15. Iskhakov D.M. Golden Horde ethnology of the Tatars: 1. Epic and historical "golden throne" ("altyn takhet"). *Golden Horde Review*. 2014, no. 3(5), pp. 175–190. (In Russian)

16. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. *Ethnopolitical history of the Tatars (3th – the middle of the 16th centuries)*. Kazan: RIC "School", 2007. 356 p. (In Russian)

17. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. Khan and the aristocracy: the structure of power and control. *History of the Tatars since ancient times.* In 7 vols. T.III. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th – mid-15th century. Kazan: II AN RT, 2009, pp. 310-320. (In Russian)

18. Kozintcev M.A. Fosterage in Crimea (based on the anonymous manuscript kept at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS). *Zolotoordynskoe obozrenie =Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 284–292. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.284-292. (In Russian)

19. Kosven M.O. Atalychestvo. *Soviet ethnography*. 1935, no. 2, pp. 41–62. (In Russian)

20. Kurbsky A. The story of the Grand Duke of Moscow. *Monuments of literature of Ancient Rus'. Second half of the 16th century*. Compilation and editing. L.A. Dmitrieva, D.S. Likhachev. Moscow: Fiction, 1986, pp. 218–399. (In Russian)

21. Levshin A.I. *Description of the Kirghiz-Kaisak, or Kirghiz-Cossack, hordes and steppes*. Almaty: Sanat, 1996. 656 p. (In Russian)

22. Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries. (excerpts from Persian and Turkic writings). Alma-Ata: Nauka KazakhSSR, 1969. 651 p. (In Russian)

23. Nagamine H. Rethinking Qādir 'Alī Beg's Historiography (*Jāmi' al-Tavārīkh*). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 115–130. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.115-130. (In Russian)

24. Pochekaev R.Yu. *Chingisid law: the legal legacy of the Mongol Empire in the Turko-Tatar khanates and states of Central Asia*. 2nd ed. Kazan: Tatar. book. publishing house, 2022. 367 p. (In Russian)

25. Rashid ad-Din F. *Compendium of Chronicles*. Vol.I. Book 2. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. 315 p. (In Russian)

26. Sadr ad-Din Ali Al-Husayni. *Akhbar ad-daulat as-seljukiya* / Reports on the Seljuk state. Edition of the text, translation, introduction, approx. and adj. Z.M. Buniyatov. Moscow: Nauka, 1980. 528 p. (In Russian)

27. Smirnova Ya. S. Artificial kinship among the peoples of the North Caucasus: forms and evolution. *Caucasian ethnographic collection*, iss.9. Res. ed. N.G. Volkova, V.K. Gardanov. Moscow: Nauka, 1989, pp. 216–245. (In Russian)

28. Sultanov T.I. *Chingis Khan and Chingisids. Fate and Power*. Moscow: AST, 2006. 445 p. (In Russian)

29. Tizengauzen V.G. *Collection of materials relating to the history of the Golden Horde*. T.II. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 308 p. (In Russian)

30. Trepavlov V.V. Beklerbek in the structure of Mongolian and Turkic statehood. *Golden Horde Review*. 2014, no. 2 (4), pp. 21–34. (In Russian)

31. Usmanov M.A. *Tatar historical sources of the 17th–18th centuries*. Kazan: Ed. Kazan University, 1972. 223 p. (In Russian)

32. Utemish-Hadji. *Chingis-name.* Facsimile, translation, transcription, notes, research by V.P. Yudin, comments and indexes by M.Kh. Abuseitova, Alma-Ata: Gylym, 1992. 296 p. (In Russian)

33. Fedorov-Davydov G.A. *Social structure of the Golden Horde*. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1973. 180 p. (In Russian)

34. Khisamieva Z.A. *The language of the dastans of Kadyr Ali-bek.* Kazan: Sh. Marjani Institute of History of AS RT, 2022. 244 p. (In Russian)

35. Khudyakov M.G. *Essays on the history of the Kazan Khanate*. 3rd ed. Moscow: INSAN, 1991. 320 p. (In Russian)

36. Shamiloglu Y. "Karachi Bey" late Golden Horde: notes on the organization of the Mongol world empire. *From the history of the Golden Horde*. Kazan: Fund im. M. Sultan-Galiyeva, 1993, pp. 44–60. (In Russian)

37. Shamiloglu Yu. *Tribal politics and social structure in the Golden Horde*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of AS RT, 2019. 260 p.

38. Shiltberger I. *Journey through Europe, Asia and Africa*. Per. with an old German. F.K. Bruna. Baku. Elm. 1984. 86 p.

39. Hope M. «The Pillars of State»: Some Notes on the Qarachu Begs and the Kešikten in the Īl-Khānate (1256–1335). *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2017, vol. 27, Iss. 2, pp. 181–199.

40. Izmailov I.L. Tatars of the Jochid Ulus: the formation and development of an ethnopolitical identity in the 13th–15th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 4, pp. 744–757. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.744-757

41. Inalchik H. The Khan and tribal aristocracy: The Crimean Khanat under Sahib Girai. *Harvard Ukranian Studies*. 1979–1980, vol. 3–4, part 1, pp. 445–466.

42. Manz B.F. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532. *Harvard Ukranian studies*. 1987, vol. 2–3, pp. 282–309.

43. Shamiloglu U. The Qarači beys of the later Golden Horde: notes on the organization of the Mongol world empire. *Archivum eurasiae medii aevi*. 1984, vol. IV, pp. 283–297.

44. Shamiloglu U. *Golden Horde: Society and Civilization in Western Eurasia. 13th–14th Centuries*. Madison, Wisconsin, 1998. 129 p.

45. Saint-Quentin Simon de. *Histoire des Tartares*. Publ. J. Richard. Paris: Librairie orientaliste P. Geuthner, 1965. 132 s.

46. Vasary I. The institution of foster-brothers (emildas and kokaldas) in the Chingisid states. *Acta Orientalia (Budapest)*. 1983. T. XXXVI. Fasc. 1–3, pp. 549–562.

About the author: Iskander L. Izmailov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

Received March 13, 2023 Accepted for publication May 29, 2023
Published June 29, 2023